

Евгений СТРЕЛКОВ

ИЗ КНИГИ «КОНТУРЫ»¹

Вступление Кирилла Кобрина и Петра Казарновского

Кирилл Кобрин: Волжский труд

Человек стоит на палубе судна, неторопливо идущего по Волге. Стоит на носу. Перед ним разворачивается неторопливая картина: слева, справа шествуют берега, то холмистые, то низинные, то лес, то луг, а то и поселения, маленькие, средние, редко – большие. Нечасто – в наши времена нечасто – навстречу тоже проплывает судно, пассажирское, туристическое, с обычно пустой палубой, ну разве что две-три фигуры молча стоят на носу или корме. Есть опасность, что на палубе бухтит музак, но предположим, что это не так и что нам не портят этот практически рай. Ну да, чуть не забыл, изредка попадаются и грузовые посудины, баржи, почему-то чаще всего порожние. Ощущения бурной и плодотворной хозяйственной жизни нет, точнее – современной хозяйственной, индустрия там и все такое. Но нет и пустоты полной. Что же есть? Назовем это разворачиванием времени и пространства в одной из лучших разновидностей их сочетания, разворачиванием мира Поволжья.

Или тот же человек удит рыбу. Скажем, на Оке, там, где она готова отдать свои воды Волге, отдать безо всякой спеси, скромно и молча – а ведь у нижегородской Стрелки Ока разве чуть уже Волги, которая, согласно странной табели о рангах водных потоков России, находится выше ее. Да и что может быть выше Волги – не считая сибирских рек, конечно? Разве Кама могла бы посоревноваться, да вряд ли – там другие расклады, предуральские. На Волге – Кузмин и Розанов, Мельников-Печерский и Петров-Водкин, на Каме – заезжий Пастернак смотрит восторженно на огни Мотовилихи. Кама – прекрасна, но она течет по местам, куда едут, даже бегут, в случае чего, от траблов в сердце России. На Каме – сочиненный Юрятин, на Волге – настоящий Нижний. Наверняка я несправедлив, но Бог с ним.

Да, так тот же самый человек удит рыбу на Оке. Или на Керженце. Или еще где в тех местах. Неважно, впрочем, стоит ли он на палубе, сидит ли с удочкой, отмахиваясь от комарья; он вот что делает – он размышляет. Не «думает», а именно «размышляет», перебирает всякие штуки в голове – столь же неторопливо, как судно плывет по Волге, как рыба кружит вокруг крючка с наживкой, как местный говор, уже не окающий, конечно, но особенный, медленноватый. Как Розанов перебирал записи из Короба Первого и Второго «Опавших листьев». Ну такой типа жанр, что ли, местный, если мы здесь о словесности. Или местный способ жизни, если мы о жизни.

Розанов тут неслучайно. Эта книга Стрелкова выросла из розановского «Русского Нила» – образа, интонации, даже интенции. Нет, не «идеи» – с идеями у Василия Васильевича было небогато, да он и не переживал по данному поводу, наоборот, возводил в достоинство. Мол, я безыдейный и беспринципный, как сама жизнь. Жизнь – с мухами и котлетами – отдельно, идеи – с ненужной ученостью – отдельно. Последние пусть там где-нибудь на берегах Сены или Рейна взращивают и лелеют, а мы тут не мыслим отвлеченно, а живем самым непосредственным образом. А жизнь, по Розанову, есть прибавление добра – всяческого добра, в основном материального или отчасти материального свойства: детишек, хозяйства, монет в его собственной коллекции. Розанов – нумизмат русской

¹ Книга готовится к печати в издательстве «Дирижабль» (Нижний Новгород)

жизни; добавим, впрочем, что той русской жизни, что он сам себе и другим придумал. Реальная же русская жизнь поставила в 1917-м все на свои места; вместо *полноты* Василий Васильевич увидел *пустоту*, которую так боялся, приписывая ее не русской жизни, а исключительно русской литературе. И умер от расстройства.

Я пишу все это перед тем, как ты, дорогой читатель, примешься за главное, что есть в этой книге, за стихи, не от желания поболтать обо всяком. Хотя, на самом деле, разве не является болтовня разновидностью стихов, причем не худшей? «Нынче ветрено и волны с перехлестом» – чисто потрепаться, пусть и эпистолярно. Впрочем, я о другом. Я о том, что обсуждать стихи, которые ты, дорогой читатель, сейчас примешься читать, занятие глупое и ненужное. Представлять автора стихов – дело нелепое и высокомерное. Нелепое, так как пишущий предисловие не литературовед и не филолог, а написавший ниже следующие стихи – поэт известный и хороший. Если кто не знает, гугл вам в помощь. Высокомерное, так как кто я таков, чтобы, поглядывая через плечо, представлять, мол, вот Евгений Стрелков, он такой-то и такой-то, интересный, талантливый и проч. Так что остается говорить о мире, частью которого эти стихи и их автор являются и который они, автор и стихи, посильно создают. А мир этот – волжский, даже если неоднократно упомянутый выше водный поток в каком-то конкретном стрелковском тексте не указан. Потому и Розанов. Он же с Кузминым и Петровым-Водкиным данный мир начал сочинять, по большей части.

Вот Василий Васильевич в 1907-м плывет на «Князе Юрии Суздальском» по реке. В Ярославле с высокого холма на него смотрит Михаил Александрович и пишет:

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод;
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.

Чуть позже, уже на «Гоголе», Василий Васильевич плывет мимо Хвалынска, но Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина в родном городе нет, молодой художник путешествует по Африке, рисует «Танец одалиски». Петров-Водкин родился здесь, в Хвалынске, здесь надорвался и умер отец его, грузчик Сергей, а через 23 года, в 1930-м Кузьма Сергеевич напишет и издаст в бывшем Петербурге книгу об этом волжском городке, назвав его (и саму книгу) «Хлыновск».

Да, но Розанов. Семейство нужно содержать, оттого на пароходе он не прохлаждается, а набрасывает путевые очерки, которые сразу же опубликует в «Русском слове»; отбить отпуск и все такое. Нет, не газетная халтура, это, да, мгновенная, но подготовленная годами волжской жизни реакция на путешествие туда, где, как решил Розанов, и есть подлинный русский мир за пределами столиц: «Едва по длиннейшим сходням вы спускаетесь на один из громадных, рядом стоящих пароходов, вы точно окунаетесь в “волжский труд”, как что-то своеобразное, в себе замкнутое, как в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего “не волжского”».

Книга Евгения Стрелкова – тот самый волжский труд, именно. Неторопливый, объемный, реальный. Реальнее так называемой реальности. Собственно, литература только для этого и существует.

Пётр Казарновский: Следя зигзаги навигации

В Нижнем Новгороде, под эгидой некогда существовавшего журнала «Дирижабль», теперь ставшего издательской маркой, выходит новая книга поэта, художника, краеведа, ученого Евгения Стрелкова – его четвертая поэтическая книга, полновесная, подробная,

способная и удивить, и дать возможность присмотреться к уже знакомому голосу и облику. Попробую дать очерк всех расходящихся образов и мотивов сборника «Контурсы», а заинтересованный читатель сможет самостоятельно открыть для себя творчество этого нижегородского автора.

Евгений Стрелков – поэт, тесно связанный с водой, то мерно текущей в положенных пределах, то норовящей их преодолеть, сломать, снести. Но эта игра воды – волжской ли, окской – ограничена приемлющим взглядом учёного поэта (поэта-учёного), чтобы быть вписанной в гармонический оком с так плотно и плавно связанным с нею воздухом, с небом, с изменчивым и шершавым (женское и мужское) ландшафтом берегов, с изгибами исторического зрения, угадываемого краеведом, которому ведомы эти знаки природы. Это ведание не отменяет новизны, которой Стрелков достигает, упрощая (примитивизируя) свой привыкший к сложным геометрическим построениям глаз. Мне кажется, такой ход автора говорит о лёгкости и даже весёлости смотрящего на трудную работу стихий, постоянно не довольствующихся уже добытой свободой. Весёлый глаз поэта как будто намеренно отрывает движения единого процесса одно от другого, чтобы этим помысленным зиянием и придать процессу шаткой динамики, и наметить пунктир в неминусовой связи единого – пунктир, по которому действие, как по лекалу, найдёт свой паз. Действительно, это весёлое занятие – видеть шаги мира еще не завершёнными, как бы зависшими, с занесённой и замершей в воздухе стопой. Таково видение, представленное в стихотворении «Наблюдение»:

Лодки вёслами словно вспороты
на причалы волной выброшены
между ржавых ларей – их моторы там –
лодки сложены и выпотрошены.

Но поэт знает, что это только краткое время остановки, вроде затмения, когда рыбацкая лодка, будто в ходе какого-то неясного обряда, уподобляется рыбе; поэт знает, что место лодки – в воде, как каждой сфере отведено какое-то определенное место. Пределы приедаются. Но Стрелков находит в каждой чистой стихии (как бывают чистые цвета) – воде, воздухе, пламени, времени – нечто родственное, созвучное из другой. Это и есть мгновенный просвет, когда из толщи среды выныривает инородное:

Мягко стелют снегом поля.
Жёстко баюкает наст.
Где-то под ними земля,
что весной обогреет нас.
А над снегом, настом, землёй
ионосферный вой.
И совсем вверху про запас
– звёздный рой.

Так что поэту интересен миг, в котором глазомер хотел бы застать мир. В остальном же он хочет глубоко волноваться «единой картиной», где всякая разобщённость преодолена. И не в привычности восстановленного порядка дело. Аналогии не дают поэту покоя, и он с волнением и тревогой ищет связей предметов (и явлений) друг с другом – связей, углубляющих мир до неисчерпаемости. Стрелков, кажется, нигде не исповедует и не реализует идеи, что всё подобно всему: его воспитанный на точности выбираемой траектории глаз только намечает возможный маршрут, учитывая условия окружающего.

Взгляд автора быстро, но зорко подхватывает детали, чтобы из их свободного расположения сплести пейзаж – часто утончающийся, испаряющийся, тянущийся вверх, где сила левитации возьмёт своё. Таков кузнечик, смело взнуздавший пау~~тин~~ными

нитями цветов, чтоб вознестись на нём в «**плени**тельный зени**т**». Таков же – не по усмотренной ли глазом историка «анalogии»? – и Василий Васильевич Розанов, пристально, «око в око» наблюдающий наблюдателей.

Именно аналогии! Стрелков в высшем смысле рационалистически (традиция энциклопедистов, о которой поэт из книги в книгу не устает напоминать, *рассказывая в стихах* о судьбах ученых-чудаков, на свой страх и риск строивших странные модели мира) подходит к немислимым соответствиям. Так в стихотворении «Черемас» оживание цветка, представляющего бабочкой, свободно сопоставляется с врезающимся в птичий гам поездом:

В края далёкие направил машинист
свой поезд литерный, что будит по утрам
тебя, стремительно врезаясь в птичий гам, –

неслышная красота нежного насекомого объединена с грохотом поезда, окунающегося в норвящий сделаться мохнатым, пушистым, пернатым галдёж птиц. Эта аналогия будит. Как будит и найденное подобие поэта с бакеном: поэт спокойно покачивается на водах (жизни), тогда как внутри себя заключает огненную бурю. Полно в этой книге и аналогий звуковых, требующих особой зоркости читателя: таков, например, образ обмена «**клубов** (пара) на **глубины**» из стихотворения «Водообмен».

Учёный Стрелков вообще, кажется, готов видеть в предстоящем ему пейзаже кабинет, где невидимый, но деятельный мастер сотворяет чудо отражений – ещё одну версию аналогии. Ведь только окружённым водной гладью можно неумозрительно убедиться, что «и верх и низ – одно». Но элементы, составляющие это «одно», это целое – все по своим местам, и глаз геометра выдает в поэте и эконома, бережно располагающего слова по отдельному тексту, тексты внутри книги, так что из этой немного-старомодной немного-сухости медленно, как восстающий из воды гудящий колокол, поднимается многосоставный образ ума, живущего во все дали природы. Чем не дань XVIII столетию – веку изобретения законов, идущих впереди явлений!

Стрелков верен себе в следовании традиции: торжественная и ребячливая – тоже соединение! – природа в этих стихах способна открываться, звучать под камертон то Державина, то Хлебникова, то Заболоцкого...

Грандиозность природного замысла, всегда опережающего помыслы науки и щедро предлагающего последней черпать формы и содержания, не даёт забыть о тяжести объёмов и может вызвать у поэта и умиление, граничащее с удивлением. Должно быть, только в таком состоянии Стрелков видит спасение от катастрофы, несомой миру мощным и безответственным человеческим умом, о чём – в посвящённом А.Д. Сахарову стихотворении «Синтез», написанном по-гесиодовски неторопливым гекзаметром (думается, это монолог великого ядерщика и борца за мир и справедливость). Да, в отношении к этому шаткому миру умиление поэта соседствует с тревогой: оставленный технический хаос, бурелом приостановленного прогресса стал обиталищем птиц, не забывших о небе. И именно в восстановлении привычного хода и порядка птиц и рыб, огней и дней видит поэт основу грозного, но мира. О грозности и даже угрозе напоминает частый образ грозы, названной или подразумеваемой. Таково и стихотворение «Канон»:

И бабочки клочок бумажный
бессвязно мечется, как сон,
и тучи дом многоэтажный
для обрушенья вознесён
над головой, и кто-то важный
сейчас нажмёт грозы клаксон.

Созерцательность этих стихов Стрелкова, кажется, находит новое, по сравнению с прежними, выражение – в фигуре рыбака, несколько отстранённо говорящего или поющего о том, что происходит то ли с ним, то ли не с ним, с кем-то другим – жившим когда-то давно. Кажущаяся простота этих стихов несколько обескураживает (как и надрывная и безжалостная – при всей сострадательности – «Плясовая»): высокий примитив? тонкая ирония? пейзажная лирика без нарочитой философичности? В любом случае, эта весёлая простота нередко подчёркивается парной рифмовкой, так что парадокс остаётся немного вытесненным, как, например, в двухчастном цикле (все циклы у Стрелкова здесь именно такие – диптихи) «Птицы небесные» центральная фигура – всё-таки рыбак, и он уподоблен тем, кто не сеет, не жнёт:

Рыбацкая судьба – гляди на поплавок,
пока стучат года косою волной в песок.

Странническому взгляду рыбака открываются какие-то почти брейгелевские сценки, в которых современный антураж то ли нелеп, то ли печален, но не заслоняет лиц, не изменившихся со времён Демьяна и Козьмы. И этот же взгляд способен в разрушенной церкви (кстати, в Козьмодемьянске) увидеть

меж живописных туч –
лик как люк
и как линь – луч.

Заметим: не рыба-кит, не рыба-меч, даже не рыба-фиш, а рыба-луч (все эти рыбы проплывают по книге «Контур»). Божество в славе! А рыбак – не волжский ли Франциск, в своём глубоком созерцании забывший, кому проповедует радость – птицам или рыбам?

Поэт-путешественник, поэт-странник, поэт-рыбак не только ждёт попутного ветра, но и поднимает его, заранее как будто зная его направление, хоть и предчувствуя ужас пребывания Ионы в чреве китовом. Так он способен насыщать – строить, планировать – тревогу и грозу, могучую предвестницу. Странствие, к какому бы причалу оно ни приходило, продолжается, и возникающий в книге образ Одиссея в Горьковском море вполне закономерен: хитроумный герой стремится к своей Итаке, которая внутри, но которая – только сон об исходной точке путешествия-возвращения. Или Ной – вновь аналогия! – странствователь по морю потопа в усилении приблизить землю, и вновь, как и должно быть, не обходится без птиц, вестников добрых. Или зловещих, когда они накликают участь Китежа-мира в новом потоке новой локальной жертве, только птицы эти – радиоволны. Видя мир таким шатким, содержащим в себе торжество и катастрофу, странник по водам – этот неисчезающий Одиссей, или Ной, или Иона, – не вполне доверяя судьбе, бросает послание в бутылке: послание-сообщение, послание-летопись.

Стрелков-историк любит рассказывать о жизни забытых чудачков, связанных с его краем, персонажей – и делает это остро и сильно, подчёркивая драму их авантюризма. Не эти ли истории извлечены из выловленной бутылки? или опущены в бутылку в уверенности, что будет неизвестный историк-странник? В этой книге представлены истории астронома из Дерпта Адермана, поэта и исследователя Сибири XVIII века П.А. Словцова, промышленника и талмудиста Зелика Персица и даже нашего современника – физика-теоретика А.А. Андропова... По-своему все они – тоже Одиссеи, Ионы, Нои... Таковы игры аналогий, которые открывает Стрелков.

Как и многое в книге, внешне безыскусное стихотворение «Поток» наводит на мысль о таинстве сближения творчества и жизни природы: потоки воды, воздуха беспрестанно сближаются словами, находящими и вызывающими смысл аналогий и аналогию смыслам:

Река налита до краёв
водою вешней внешней рёв
и гул порыва
наводит ум на бодрый тон
и ветру вторя в унисон
среди разрыва
летящих денно облаков
кипящих пенно берегов
ты ждёшь мотива
и наблюдаешь свозь кусты
как правит свежие листы
в потоке ива

Знает Стрелков толк в произнесении слова между ударами грома!

Он ценит то ожидание, которое предшествует появлению слова, заранее измеряя маршрут, коим его направить, его расправить в простор. Это и есть контур, есть контуры. Они не ограничивают. И они не замкнуты. Тяготеют к незамкнутости, разомкнутости иллюстрации, в определенном ритме помещенные в книгу, – визуальные композиции Е. Стрелкова, совмещающие в себе схемы, чертежи, диаграммы, элементы архитектурного убранства – математизированный, геометризированный космос автора.

Заканчивается же книга своеобразным поэтическим комментарием к выставочному проекту «Созерцатели солнца». Это особый раздел книги – цикл «Радионебо»: автор выступает здесь в роли свидетеля вершения мифа – победы над небом. Собственно, это научная поэзия, недаром одно из стихотворений отсылает к Ломоносову: «Раскрылась сфера звёзд полна...» С ностальгией по временам, когда он дерзал измерить небо будущностью, Стрелков тщательно выверяет взаимодействие надмирного и человеческого:

И учащаются скачки,
и расширяются зрачки.

И тут в основе естествонаучного мифа поэта – всё же удивление, замирание дыхания, граничащие с ужасом первочеловека:

И неотрывно в небо вперясь,
душой туда перенесясь,
астроном самописца перья с
осей срывает, торопясь
прочесть анналы мирозданья
заполнить, сколько хватит сил
все беззаконные зияния
в кругу расчисленных светил.

Евгений СТРЕЛКОВ

Аналогия

Он сам себе поёт и сам собою правит
Кузнечик солнечный, по музыке собрат,
Порою собран весь – и вдруг себя расправит
в полёте медленном над жердями оград.

Куда летишь, соратник по созвучьям?
И где окажешься, когда тебя
неотменяемо, как сеть паучья
притянет гравитацией земля?

Но оседлав цветок, ты вновь натянешь нити
чтоб их сплести в пленительном зените.

Бакен

Представим: бакен – штык,
торчащий из пучины.
Из глубины возник,
из самой юрской глины,
из известковых плит, из залежей триасса,
из бездны, где кипит калёной магмы масса...

Не так ли ты, пиит?
Паришь над лоном волн
спокоен,
но при том
огнём
глубинным полн.

Бриз

Бриз настоящий, морской,
зыбкой –
и пароходик твой –
зыбкой.
Трав луговой настой
пряный, густой.
Бриз промокает лоб твой
сырой
губкой.

Водообмен

Алексею Цибереvu

Кубометры воды завезли в небеса,
И почти уж достроена эта гроза,
Что когда-нибудь будет.
Через час или два – и за четверть часа
всех вокруг перебудит.
И наполнит все бочки в посёлке пустом,
И промочит все кочки в подлеске густом,
обстучит кузова и кабины.

И в итоге стечёт понемногу в пруды,
где жилище найдут кубометры воды,
разменявши клубы на глубины.

Волга легендарная

Около того места, где они все собрались, был лес

А.И. Введенский

И пир пуст остался

А.И. Введенский

1.

Вкруг государевой горы
пряят былинные орлы
на гору ту вела тропа,
и ветер ковыли трепал,
где пир устроен царский был,
теперь рыбак уху варил
и ждал смиренно переправы
на берег рыбный – берег правый.

2.

Река его жена беглянка
Крутилась в сумрачной потехе,
и разинская персиянка
ему мерещилась в волне.
И чайки вольная деланка
и ласточки живой застрежи
и птичьи перья как доспехи,
и сам как всадник на коне.
Волна волною реку моет
собака лает, щука спит.
Под набежавшею волною
царевны скит.

Волжское утро

Туман смывает волжских гор вершины,
скрывает рокот судовой машины,
подвижные воздушные кувшины
возведены.
И створных знаков речных аршины
едва видны.
Ложбины
заполнены слоями пустоты.
И солнце силится встряхнуть её пласты
и выбить пух из душной сей перины.

Чтоб вновь, промыты влагой и чисты,
туманом разобщённые листы
слились в единое
волнующей картины.

Волжское

Крутые кручи – над ними тучи,
привольны плёсы, туги, тягучи.
Бушуют чайки – слышны их кличи,
но не увидишь – слезятся очи.
В домах и дачах затопят печи,
и ветра плачи доносят речи.
Дым стелет клочья вдоль речки течи,
и нет короче, чем нынче – ночи.

Гроза

*На шаровидной колеснице...
Хрустальной, скользкой, роковой*
Г.Р. Державин

В громокипящей колеснице
безудержно вертятся спицы
и раздаётся грозный бой.
И между этих спиц сочится
дождя прозрачная водица
и непокой
в душе и всё не спится,
когда кипит над головой
поток той влаги грозовой –
хрустальной, скользкой, роковой

Над травами

Последний шмель – неровен и тяжёл
его полёт: сентябрь на исходе,
но солнце припекло – и он ожил,
летит над травами на самом малом ходе;

в густых лучах ему довольно сил.
Но солнце клонится, роняя брызги света.
И каждый взмах шмеля усталых крыл
питаем каплею сгорающего лета.

Одиссей в Горьковском море

Кажется, плавание нескончаемо.

Всё увеличивается отставание
от графика. Неузнаваемы
берега, само расписание
корабельного быта
словно склёвано чайками и забыто.

По берегам – огромные пинии,
встречные корабли не подходят близко.
Но как не верти, а крутит машина винт и
в нить распрямляется береговая линия.

Каждый встреченный остров напоминает абрисом
благословенные берега Итаки.
Но сколь не гляди стооким Аргусом,
не расшифруешь створные знаки.

Лишь вода – это то, что никогда не изменится
сколько бы за кормой она не клокотала.
И, слезой размыта, Большая Медведица
сливается с Малой.

Паром в Коротни

«Ветерок», кафе-веранда, дождь,
городок с именами Козьмы и Демьяна.
Дырявый тент, лужа в ложбине дивана.
В ожиданьи парома водители пьют растворимый кофе
пассажиры и пешеходы – квас или пиво.
Ветерок треплет флаг на пароме, живо
накрывает бакен, сносит в сторону дым
от дизеля, будоражит духом грибным:
сходят по трапу Демьяны, Козьмы, их жёны, дочери и кузины,
волокут с того берега, где Коротни, белых грибов корзины.

Паром в Мышкине

1.

И острова, залитые дождём,
и мост понтонный – значит, подождём,
и бакенов проколота вена.
До Углича к заутрене дойдём?
как знать, но в Мышкин – это непременно.

Там, в Мышкине, господствует собор.
Поодаль продавщицы пёстрым хором
нахваливают прошлогодний сбор,
а после на паром – за новым сбором.

Собор обглодан временем, пролом

щербат, как псом изгрызенные кости,
но голубок вибрирует крылом
на росписи, и судно ловит в снасти

Попутный ветер, что готовит рок
тому, кто не уклонится от цели
назначенной – не то Ионы душный мрак
укутает его в китовом теле...

2.

Паром – он тут и мост, и крест, и торг,
и ты не вздумай спрашивать про Фарсис,
ведь кит не для того тебя исторг
из чрева своего – уж будь покладист.

И верен жребию: иди, куда простёр
свою десницу птиц и рыб водитель:
У Капитана глаз остёр
и светел китель.

Плѐс

Мы вышли из ворот под сизый дождь жемчужный
и этот оборот, казалось бы, ненужный
вдруг нам раскрасил путь, и радужный, и влажный,
и враз в сплетеньи пут груз хлопотный и важный
стал лёгок и погнут, как тот стакан бумажный,
куда спешим плеснуть состав живой, купажный
запомнив плеск, и Плѐс – вальяжный и винтажный.

Розанов на Волге

Василий Васильевич Розанов
в палубном кресле, один.
Улыбчивый, хотя и строгий на первый взгляд господин.
увлечённый, видимо, водами, видами: Русский Нил!
Это я подслушал? Это он обронил?
Обозначил, означил – и вот течёт
Ярославль-Кострома-Нижний: чёт-нечёт
женский топоним – левый берег, мужской – супротив,
образуют оба обоюдно людный мотив;
полный, как Волга весной, двуполый,
луговой, полевой, палевый и лиловый,
сизый, лазоревый и заревой,
млечный, зарничный,
с поволокой,
словно судачий глаз.
Василий Васильевич – око в око –
наблюдает нас.

Утро Одиссея

Ты в центре моря – или мира?
Тумана хладная порфира
скрывает берега черты.
и только глубина порыва
вернёт из призрачной мечты,
опустит на равнину вод,
теней распустит хоровод.

Туман рассеялся, однако.
Ты грезишь: где-то там, вдали
благословенная Итака
свои качает корабли.
Туда, туда! где шум прибоя,
очаг а родительском дому
забыть позволят сон, как Троя
курилась в жертвенном дыму.

Воздушный шлюз

1.

За стальной преградой растёт гора облаков
План за планом, будто в оптическом театре,
меж бетонными башнями вырастают,
распирая шлюзов корыта.
Мистерия вихрей там, в пифагоровых сферах,
но они так далеко, что выглядят – монолитами,
полированными улитками
из перламутра,
особенно – в утро.

2.

Словно из ваты –
выпуклы и покаты,
ноздреваты, подбиты
спешащим ливнем,
накрывают запертый шлюз,
оставляя в нем газ
испарины из нездешней влаги,
ворс ветра, коленца лучистого сена, –
всё стекает в гулкий бетонный таз,
и оседает пена.